

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

119334, Москва В-334, Ленинский просп. 32а

тел.(495)938-10-09, факс(495) 938-22-88, эл.почта dir@igh.ru

29.03.2017 № 14104-2МС.4/263

На № _____

«Утверждаю»

Зам. директора
Института всеобщей истории РАН,
доктор исторических наук,

Кириллова Е.Н.

« 29 » марта _____ 2017 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертационную работу Валентина Леонидовича Портных на тему «Крестовые походы на Ближний Восток (1095-1291): идейное содержание пропаганды», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (Средние века).

Тема, к которой обратился В.Л. Портных, представляется в высшей степени актуальной. Ведь несмотря на то, что история военно-религиозных экспедиций на Восток составила уже почтенную традицию в нашей историографии, идеология крестовых походов, к сожалению, была скорее маргинальной темой и изучалась лишь поверхностно, а зачастую интерпретировалась в терминах вульгарной материалистической социологии.

Поэтому попытку молодого историка наконец-то разобраться в этой сложной и наиважнейшей для изучения средневековой истории проблематике следует всячески приветствовать.

Работа состоит из введения, заключения, четырех глав и приложения, посвященного анализу трактата Гумберта Романского «О проповеди Креста». Первая из глав (с.37-92) посвящена характеристике используемых в диссертации источников — таких, как письма и буллы римских пап, проповеди, переписка и сочинения западных прелатов, а также хроники крестовых походов. Основную часть этого раздела (с. 56-92) занимает анализ сочинения Гумберта Романского, которое уже было изучено В.Л. Портных в его кандидатской диссертации. Надо сказать, что и в дальнейшем изложении именно этот источник играет ключевую роль в исследовании поставленных диссертантом проблем.

В следующей главе «Обоснование пропагандистами необходимости освобождения Святой Земли» (с.93-178) автор изучает роль образа Иерусалима и Святой Земли в мотивации эвентуальных участников крестового похода. Большое место в этом разделе занимает разбор историографических дискуссий (с.99-112), отдельный параграф посвящен анализу пассажей хроник и других текстов (с.93-99), в которых рисуются картины глумления иноверцами над христианскими святынями (последний сюжет неоднократно привлекал внимание исследователей).

В третьей главе, название которой формулируется не очень понятным образом — «Взаимодействие Бога и крестоносцев в крестовом походе в представлении пропаганды» (с. 178-273) — автор изучает, как идея помощи Бога крестоносцам отразилась в хрониках и пропагандистских сочинениях. В этой главе, как и в ряде других разделов своей работы, автор настаивает на том, что именно он первым обращается к анализу средневековых представлений (с.200 ff), которые, в частности, «стоят за декларациями о божественной поддержке» крестоносцев — между тем далее он анализирует придуманные хронистами диалоги мусульман и «чудесные истории», не раз привлекавшие внимание исследователей. Точно так же утверждение

диссертанта о том, что в его диссертации впервые рассматриваются представления современников о статусе и крестоносцев (см. также автореферат, с. 14) следовало бы релятивизировать ввиду того, что, например, вопрос о более высоком в сравнении с ветхозаветными евреями статусе крестоносцев ставился и в известной монографии Дж. Райли-Смита (1993), и в недавно опубликованной диссертации Е. Лапиной (2015).

Самой сильной и удачной частью работы является четвертая глава, посвященная анализу индульгенции (с.284-332). В этой главе диссертант пытается проследить эволюцию идеологии крестоносного движения по папским буллам, предоставлявшим крестоносцам индульгенции. Анализ их содержания и сопоставление булл кажется полезным и интересным. Заслуживает внимания и попытка В.Л. Портных связать воспроизведенные в буллах папские идеи с современными крестовым походам теологическими дебатами, в частности, отраженными в трудах Петра Абеляра. Следует отметить, что следы характерной для средневековой теологии рефлексии о соотношении вины и наказания можно обнаружить и в текстах, связанных со Вторым крестовым походом, например, в письмах и сочинениях св. Бернара Клервоского и его ученика Евгения III. На эти дебаты в свое время обратил внимание Дж. Констэбл в своей замечательной статье «Второй крестовый поход современников» (к сожалению, диссертант мало использует в своей работе его выводы). В целом вопрос об индульгенциях невозможно рассматривать вне тех теологических дебатов, которые велись в 12-13 вв., и в случае дальнейшего более глубокого исследования проблемы автору придется освоить большой пласт средневековых текстов (от Тертуллиана до Ансельма Кентерберийского и др.), а также познакомиться с литературой по средневековой теологии — от трудов А. фон Гарнака до религиозно-философских сочинений Л.П. Карсавина, работ С.С. Аверинцева (см., например, его статью «Католицизм» в «Словаре средневековой культуры») и др.

Как представляется, диссертант недостаточно проработал в своем исследовании вопрос о разграничении понятий: пропаганда, идеология, идеи

и пр. Границы этих понятий не обозначены хотя бы в общем виде. В самом деле, автор исследования претендует на то, чтобы изучать «идейную сторону пропаганды крестовых походов», между тем чаще он занимается все-таки анализом мировоззрения хронистов (с.200-223), образа Иерусалима и Святой Земли (с.93-129), литургии (с.109-111) и пр. — т.е., вопросами, связанными скорее с изучением идеологии крестовых походов. Для решения этих задач он привлекает и соответствующие источники, например, хроники, которые едва ли служили средством практического воздействия на аудиторию — ведь в них прежде всего запечатлена рефлексия средневековых авторов о современных им событиях, попытки прелатов постичь происходящее и придать ему общезначимый смысл. Между тем вопросы, непосредственно касающиеся пропаганды крестовых походов (о чем позже), остаются скорее за пределами диссертационного исследования.

Автор вводит в оборот такое понятие, как «аргумент крестового похода», совершенно не поясняя его смысл и тем самым затемняя существо дело. Действительно, читатель может только догадаться о том, что к подобным «аргументам» относится, например, индульгенция. Но тогда почему только эта духовная привилегия, а не также другие, например, светские привилегии? Из дальнейшего изложения становится ясно, что такие топосы средневековой культуры, как «испытание верующих» или тезис о греховности крестоносцев тоже являются «аргументами крестового похода», но в отрицательном смысле, — они служат для объяснения неудач и пр. Создается впечатление, что автор оперирует понятиями, смысл которых не вполне прозрачен для его читателей, однако В.Л. Портных не потрудился разъяснить их значение.

В диссертации и автореферате встречаются частые, почти навязчивые декларации автора о том, что он «первым» поставил те или иные проблемы. Так, он нередко заявляет, что, в частности, «никто и никогда» (sic! — см. с.154) не рассматривал «вассальный аргумент» крестового похода или же что его предшественники изучали диссертационную тематику только на материале Первого крестового похода. Между тем богатая историографическая традиция изучения темы, насчитывающая уже

несколько веков, все же говорит о другом. И даже если *prima facie* многие авторы ставят акцент на Первом крестовом походе, это не означает, что они пренебрегают другими материалами — просто наследие этой первой военно-религиозной экспедиции на Восток оказалось самым богатым.

Положения, вынесенные на защиту (с. 32), в том виде, в каком они сформулированы в диссертации, с одной стороны, выглядят достаточно банально, с другой — могут быть оспорены. В частности, тезис автора о том, что главной целью планов Урбана II было освобождение Иерусалима, а о восточных христианах было сказано исключительно «для усиления эффекта пропаганды», вызывает определенное недоумение. Скорее все было наоборот. Помощь восточным христианам, несомненно, занимала очень важное место в программе реформаторского движения 11 в., продолжением которого, собственно, и был Первый крестовый поход, в то время как направление похода на Иерусалим было определено, по всей видимости, с целью воодушевить мирян. Как нам представляется, диссертанту стоило бы рассмотреть более общий контекст проблемы взаимоотношений папства и светской власти и в этой связи обратить внимание на такой важный источник, как т.н. *Epistolae vagantes* — письма и тексты папы Григория VII.

Тезис о возрастании значимости Святой Земли в пропаганде крестового похода (с. 32, с.120ff) также кажется излишне жестким. Восприятие Святой Земли как «наследия Бога», а Иерусалима как небесной родины всех христиан — вообще-то говоря, *loci communes* средневековой христианской культуры. Разумеется, любая богословская максима может приобрести совершенно новое значение в новом контексте, но какие новые смыслы в этих представлениях высветила ситуация к. 12-13 вв., по прочтении диссертации остается не вполне ясным. Выносимый же на защиту тезис о «значимости Святой земли в делах веры» (с.32) представляется тавтологией, который вряд ли нужно доказывать.

Точно таким же топосом средневековой христианской культуры, а совсем не новой чертой идеологии крестоносного движения, проявляющейся на определенном этапе ее развития, является идея «наказания Бога за грехи» —

раскрытию этого тезиса также посвящается несколько страниц диссертации (с. 238 ff).

В итоге своего исследования диссертант формулирует и вывод о том, что целью крестового похода в божественном плане являлась «селекция» (sic!) достойных населять Палестину людей (с.32). Трудно согласиться с тем, что тезис об испытании Богом верных стал в к.12-13вв. новым аргументом в завоевании Святой Земли, как это утверждает автор (с.242). Этот ветхозаветный стереотип, вообще весьма характерный для средневековой культуры, был актуален уже в эпоху Первого крестового похода. Достаточно вспомнить о драматичном опыте трехгодичной экспедиции в Святую Землю, который был осмыслен хронистами именно в ветхозаветных терминах. Даже если проповедники и писатели в указанный диссертантом период часто обращаются к подобным мотивам, из этого вовсе не явствует, что именно «в 13 в. эта идея звучит чаще» (с.245), потому что таких ссылок, наверное, немало и в других, более ранних, текстах.

Очень большое место в диссертации посвящено анализу «вассального аргумента» (с.152 ff) — иными словами, используемому в проповедях и других сочинениях средневековых писателей методу уподобления службы вассала сеньору взаимоотношениям крестоносца с Богом как высшим сюзереном. В.Л. Портных полагает, что этот «аргумент» возникает в к. 12- 13 вв. (с.120, 349). Нам представляется подобный вывод слишком категоричным. На самом деле, использование образов повседневной жизни в проповедях крестового похода — вообще достаточно распространенное явление — характерно для самых ранних фаз крестоносного движения. Стоит вспомнить о том, что в своей проповеди на Клермонском соборе папа Урбан II обращался прежде всего к рыцарям (главной силе крестового похода), стремясь внедрить в их сознание церковные принципы и ценности; и для того, чтобы эти идеи сделать более понятными своей пастве, он должен был использовать «феодалную» терминологию: в частности, сравнивать любовь к Богу с вассальной верностью, а крестовый поход изображать как военную помощь Сеньору, которого выдворили из его владений и честь которого

следует восстановить. Тема «феодальной помощи» Богу звучит и в энциклике (пусть фальшивой) папы Сергия 1У и в других ранних источниках, на которые стоит обратить внимание.

Утверждение диссертанта о том, что «феодальный аргумент», как он его называет, совсем не изучен, также представляется излишне жестким. Ведь еще в 1980 г. известный британский исследователь истории кп Дж. Райли-Смит опубликовал статью «The Crusade as an Act of Love», где проблема «переноса» вассально-феодальных отношений на сферу «взаимодействия Бога и крестоносцев», как ее, на наш взгляд, не слишком удачно, обозначает диссертант, была не только поставлена, но и во многих отношениях проработана. Эта ключевая для историографии диссертационной темы статья, кстати теперь уже доступная и русскоязычному читателю в качественном переводе Якова Кротова, почему-то отсутствует в списке литературы к работе.

Увы, многие вопросы, ответы на которые вправе ожидать читатель от работы на такую тему, не освещены в диссертации. Так, например, было бы чрезвычайно интересно узнать, как именно протекала проповедническая деятельность в повседневной жизни, как происходило рекрутирование новых воинов в крестоносную армию. Как ни парадоксально, источник, который отчасти позволяет ответить на эти вопросы, существует. Я имею в виду «Путешествие по Уэльсу» («Itinerarium Cambriae») британского прелата Гиральда Камбрейского. В 1191 г. он сопровождал архиепископа Кентерберийского в его странствиях по Уэльсу и обстоятельно обрисовал различные жизненные обстоятельства, в которых простые и знатные миряне брали крест. В сочинении Гиральда собран собой колоссальный уникальный материал, который дает возможность составить представление о, так сказать, «трудах и днях» средневекового проповедника. Прискорбно, что диссертант не обратил внимания на этот исключительно важный для его темы памятник.

Не только вопрос об «идейной стороне» пропаганды, как его формулирует В.Л. Портных, но и вопрос о технике проповеднической деятельности был бы уместен в исследовании этой тематики. К каким только

приемам ни прибегали средневековые проповедники, пытаясь привлечь паству на свою сторону! Известно, например, что Бернардино Сиенский во время проповеди пользовался зеркалом и соответствующим образом направлял лучи на своих прихожан. Но похоже, и проповедники крестовых походов располагали настоящим арсеналом технических средств воздействия на сознание средневековых мирян. Красивый картинный жест Адемара де Пюи, который на Клермонском соборе первым выступил из толпы и, демонстрируя свою готовность внять призыву Урбана II, взял крест из его рук, конечно, не был импровизацией и заранее тщательно обдумывался. Во время проповеди Второго крестового похода в Везле, по свидетельству хронистов, были построены специальные деревянные подмости, на которых выступил Бернар Клервоский со своей речью, после чего он «скорее рассеял, чем раздал кресты». В 1198 г. священник Фульк из Нейи начал свою проповедь прямо на рыцарском турнире, прервав своей пламенной речью рыцарскую забаву ... Все эти, как и многие другие примеры, свидетельствуют о том, что проповедники хорошо сознавали важность «технических» приемов для успеха пропаганды. Жаль, что анализ этого аспекта проблемы остался за пределами диссертационного исследования.

Хорошо известно, что средневековые клирики использовали в своих проповедях в дидактических целях т.н. *exempla* — короткие повествования морально-назидательного свойства. Нет сомнения, что, пропагандируя поход, прелаты обращались и этому жанру. В этой связи было бы очень интересно узнать, какую роль для пропаганды крестового похода могла играть, скажем, изложенная во многих источниках история обращения в христианство императора Константина, которая была чрезвычайно важна для средневековой культуры. Вообще анализ проповедей, игравших в пропаганде идей крестового похода, наверное, главную роль, невозможно представить себе без глубокого и тщательного исследования *exempla*, тем более что этот жанр был хорошо изучен и в отечественной историографии благодаря работам А. Я. Гуревича и др. Досадно, что диссертант лишь по касательной

рассматривает эту тему (с. 82 ff), которая, на наш взгляд, должна быть магистральной в исследовании обозначенной в диссертации проблематике.

В работе очень много неудачных формулировок, корявых переводов текстов, небрежно построенных фраз и пр. Тема диссертации — по существу на стыке истории и теологии — сложна сама по себе, и автору нужно очень тщательно формулировать свою мысль, если он действительно хочет довести ее до сознания читателя. По тексту разбросано немало «перлов», которые вряд ли помогают усваивать содержание работы (см., напр.: «жемчужина чудес, валяющаяся в пыли забвения» (с.52), «Бог хотел произвести масштабную сортировку» (с. 243), «Святая Земля увядает под гнетом мерзких нечистот» (с.116), «взваливание на себя аналога креста Господа» (с.145) и пр.). Часто употребляется слово «загрязнение» святынь вместо «осквернение» (с.95 и др.). Диссертанту следует работать над стилем перевода (см. фразы: «тот, кто набожно вступит в этот святой путь» (с.284), «крестоносец выставляет свое тело за Господа» (с.224)). Но самое главное — автор все время использует штампы советских газет (sic!) и проводит грубые, рассчитанные на дешевый эффект, параллели с современностью (см., например: «крестоносцы не забывали о «генеральной линии партии» (с.239), «агитационные речи» (с. 42), «агитационные мероприятия» (с.44), «сарацинское гражданское население» (с.98), «Святая Земля должна быть занята теми, кто соответствует системным требованиям» (с.224) — и многие другие!). Таких примеров «легион», и диссертанту следовало бы помнить, что часто проводимые в околонуучной литературе сравнения крестоносных экспедиций с коммунистической идеологией 20 в. не имеют под собой решительно никакого основания хотя бы потому, что крестовые походы никогда не были монолитным движением.

В заключение заметим, что в работе часто встречаются ошибки (описки?): Дагоберт Пизанский (с.109, с.209) вместо «Даимберт», Фридрих II Барбаросса (с. 43), «цистепцианский орден» (с.44)., Раймунд Анжильский (вместо Ажилский — см. с.50, 84-85, 109 и др.) и пр. Стоило бы также переводить иностранные фамилии по принципу транскрипции, и потому

лучше писать: Каудри (Cowdrey), Гапошкин (Gaposchkin), Сруп (Throop) и пр.

Конечно, диссертация посвящена очень слабо изученной в российской медиевистике теме, и в работе над ней В.Л. Портных пришлось столкнуться со многими трудностями. Для написания текста он проштудировал огромную научную литературу и источники, в том числе рукописные, он прекрасно ориентируется в современной историографии, обладает хорошей общей медиевистической подготовкой и успел опубликовать немало статей по теме, в том числе на иностранных языках.

Если считать заполнение некоторых белых пятен в отечественной историографии и введение в научный оборот новых зарубежных исследований и новых источников важнейшим критерием качества, то работа В.Л. Портных может быть оценена позитивно.

Потому правомерно полагать, что диссертационное исследование отвечает всем требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям. Содержание автореферата полностью отражает текст диссертации, основные положения которой изложены и в публикациях. Исходя из всего выше сказанного, можно считать, что В.Л. Портных достоин присуждения ему искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (История средних веков).

Отзыв подготовлен заведующей Центром исторической антропологии Института всеобщей истории РАН, доктором исторических наук С.И. Лучицкой и утвержден на заседании Центра от 22 марта 2017 г. (протокол № 4).

Подпись *Лучицкой С.И.*
удостоверяю:
Заведующий отделом кадров *Григорьева Д.С.*
ИВИ РАН

Зав. Центром исторической антропологии
Института всеобщей истории РАН,
доктор исторических наук

С.И. Лучицкая
С.И. Лучицкая